Лит. газета, Москва, 1968, 6 ноября, №45

С. ГИАЦИНТОВА,
народная артистка СССР

ВЕЧНАЯ ЖИЗНЬ НА СЦЕНЕ

ТВОРЧЕСТВО большого писателя — достояние его народа, всего человечества. Восприятие творчества великого художника у каждого свое. Так и у меня есть свой Тургенев.

Мой Тургенев — не только писатель и драматург, с которым связана вся жизнь с детства и по сей день. (Последнее буквально: сейчас я занята постановкой «Провинциалки» на телевидении.) Мой Тургенев — не юбиляр, не памятник, для меня он — современник, защитник нравственных идеалов, столь близких нам сегодня. Тургенев современен для своих читателей, хотя и не успел написать роман о молодом революционере — роман, проект которого нашли в его бумагах. Разумеется, я говорю о людях, которые **читают** Тургенева, а не только «учат и проходят» немногие его сочинения в средней школе...

Его гимн русскому языку — непревзойденное сочинение в шесть строк, стоящее большого филологического исследования. И сам «Русский язык» Тургенева, «великий, могучий, правдивый и свободный русский язык», которым написаны все тургеневские вещи, является для нас животворным образцом литературной речи. И мне кажется, что овладение языком Тургенева — **совершенное знание русского языка**—могло бы несказанно обогатить лексику современного писателя.

Впрочем, здесь я, кажется, вторгаюсь не в свою сферу. Хотя это наша общая забота, всей интеллигенции, всего народа, — беречь и развивать великий русский язык, язык Тургенева, его предшественников, его продолжателей.

А что касается «моей сферы», то есть театра, то должна сказать, что Тургенев-драматург учит нас, актеров, человековедению — художественному проникновению в сердца и души, умению показать страдание и счастье, гармонию жизни и ее трагические противоречия. Он учит немногословию, столь близкому стилю нашей эпохи. Он владеет секретом вкладывать в уста своих героев самые обыкновенные, как бы «ничего не значащие» слова, а за ними целый мир переживаний — тонких, умных, правдивых.

«Как подумаешь: нет ничего на свете сильнее... и бессильнее слова!» Говоря это, Тургенев имел в виду живое слово, вовремя найденное и обращенное к собеседнику в самый нужный момент. Мне кажется, актер, который всегда имеет дело с живым словом, обращаясь с ним к своему собеседнику — зрителю, почаще должен вспоминать данную мысль Тургенева — мысль точную и краткую, как афоризм. На мой взгляд, афоризм этот должен быть не менее близок и современному писателю.

Драматургия произведений Тургенева очевидна по самой своей конструкции — по тому, как завязка логически подымается к кульминации и нисходит к перигею развязки, как распрямляется пружина сюжета, когда все время интересно, «что будет дальше». В этой простой формуле — один из основных законов сцены: зрителю всегда все, что он видит на театре, должно быть интересно. Обязательно!

Мой Тургенев силой своей фантазии и знанием жизни породил целую галерею прекрасных женщин. Его стихотворения в прозе — навеянный подвигом Веры Засулич «Порог» или «Стой!», Елена в «Накануне» с ее порывом в революцию или жертвенная натура Лизы Калитиной из «Дворянского гнезда» — все эти женщины сосредоточили в себе черты разные, свойства характера богатые, и потому мы не можем относиться к ним иначе, как к живым людям...

Сложная и богатая внутренняя жизнь его героинь, их чисто русская склонность к самопожертвованию породили понятие, ставшее уже хрестоматийным, — «тургеневские женщины». Но я никогда не понимала, почему принято считать их всех святыми, нежными, идеальными — то есть неземными — созданиями.

А женщины тургеневских пьес тем особенно и хороши, что они непохожи одна на другую и каждая из них разная, меняющаяся, раскрывающаяся постепенно и порой не до конца...

Такова и наиболее близкая мне Наталья Петровна из «Месяца в деревне». Я говорю о близости не только потому, что мне посчастливилось ставить эту восхитительную пьесу и играть в ней. Еще ребенком я видела «Месяц в деревне» с участием корифеев русского театра Савиной, Варламова, Давыдова. И надо же было случиться так, что первая встреча с Тургеневым состоялась именно на «Месяце в деревне». Забылись детали, но запомнилось сильнейшее впечатление, произведенное Театром.

Вторая встреча с знаменитой комедией Тургенева — моя юность. Я — начинающая актриса МХАТа. Я счастлива втройне: оттого, что играю рядом с любимыми, великими актерами; от новой встречи с Тургеневым; от полученной роли в «Нахлебнике». Роль Маши. Без слов. Я все бегала, убирала тарелки. И считала, и сегодня считаю, что мне было оказано большое доверие и поручена ответственная роль.

...ИВОТ середина сороковых годов. Я сама — режиссер и актриса—берусь за «Месяц в деревне». Столетие отделяет меня от времени действия. А место действия — оно почти все то же. Когда бродишь по разросшимся тенистым аллеям Спасского-Лутовинова, когда смотришь на портреты тех времен, то постепенно начинает казаться, что ты дышишь все тем же воздухом, что и Наталья Петровна. Ты видишь ее перед собой, ощущаешь в себе. И любишь ее, и ненавидишь, и плачешь вместе с ней, и подсмеиваешься над нею...

Ее монологи остры. В них есть внутренняя динамика, порой заслоняемая неторопливым тургеневским ритмом. Но, право же, хороший нынешний драматург не смог бы лучше написать роль героини. Богатая скучающая помещица, она прежде всего женщина, в душе которой непостижимым образом (только драматург это постиг, только исполнительница обязана это постигнуть!) переплелись коварство и правдивость, двоедушие и искренность, уравновешенность и бунтарский дух русской женщины, готовой восстать против установленных норм человеческих отношений. Зрительскую симпатию у нее отнимает Верочка, и это справедливо, так как согласуется с авторским замыслом.

...В СЕМНАДЦАТЬ лет я наслаждалась изяществом спектакля МХАТа «Где тонко, там и рвется» с удивительными, солнечными декорациями Добужинского и «Провинциалкой» с участием Станиславского. Сегодня я ставлю «Провинциалку» сама, и, конечно, все сейчас воспринимается по-другому, все должно находить иное решение, но главное остается незыблемым, тургеневским.

Умная женщина побеждает. Вещь изысканно тонкая и полная борьбы — то есть опять-таки действенности, как всегда у Тургенева, которого так часто и так ошибочно считают недостаточно действенным драматургом. Нет, мой Тургенев полон энергии, стремительности, динамизма. Только не поверхностного, не «лобового». Тем интереснее его ставить и играть. Тем лучше он должен выглядеть на телевидении. И это слияние «старого» Тургенева с молодым искусством телевидения, с новейшими достижениями техники и современными художественными понятиями — еще одно подтверждение того, что Тургенев жив и необходим нам сегодня.

«Месяц в деревне» в постановке С. В. Гиацинтовой. Театр им. Ленинского комсомола. Слева: Наталья Петровна — Гиацинтова.